

Орфография и отражение в письме явлений языка

(на материале рукописей XI—XIV вв.)

Памятники древнерусской письменности — один из важнейших источников изучения истории русского языка. При благоприятных условиях можно точно датировать и локализовать отраженные в них факты языка. Данные древних рукописей одинаково необходимы и для воссоздания истории народно-разговорного языка во всем многообразии его говоров, и для истории литературно-книжного языка. В ряде случаев свидетельства древних рукописей служат единственным источником сведений по истории русского языка: в памятниках отражаются те особенности, которые полностью утрачены современными говорами и родственными языками. Ценность древней рукописи для лингвистического исследования может определяться и характером содержания, и жанром представленного в ней произведения, и этим в свою очередь может быть обусловлено наличие или отсутствие в данной рукописи определенных форм, слов, словосочетаний и т. д. В ряде случаев для исследователя значимость тех или иных рукописей находится в зависимости от профессиональных навыков ее писцов — их грамотности, иногда начитанности и т. д. Однако все те рукописи, о которых можно сказать, что они были выполнены древнерусскими писцами, заключают в себе те или иные отражения особенностей живой речи писцов.

Объектом наблюдений исследователя при изучении языка древнерусских рукописей является буквенное письмо, речь в графико-орфографическом воспроизведении. Такое воспроизведение всегда условно. Оно не в состоянии передать черты живой речи писавшего во всем их объеме и разнообразии. Многие исследователи не раз

отмечали неполноту отражения общенародного языка в рукописных источниках. Для выявления особенностей живой речи по письменным памятникам необходимо преодолеть эту условность письма, установив соотношения между буквенными знаками и звуками. Соотношения между современным русским письмом и языком четко регламентированы. Пишущий преобразовывает свою речь на основании правил графики и орфографии; нам известен состав буквенных знаков, которыми передаются звуки речи, известны правила их употребления при передаче на письме слов, морфем и словосочетаний.

Лингвистическая интерпретация письма древних рукописей осложняется тем, что нам неизвестны ни графико-орфографические нормы писцов, ни соотношения между графическими знаками и звуками живой речи. Их приходится устанавливать в процессе изучения данного текста.

Отметим, что некоторое представление о системе письма данной рукописи, о степени грамотности ее писца исследователь может получить на основании «общего» прочтения текста. Однако такое «общее» прочтение и понимание древнерусских памятников не может удовлетворить лингвиста, интересующегося живой речью прошлого. Необходимо изучить графико-орфографические нормы писавшего. «Известно, — пишет Р. И. Аванесов, что единственным путем исследования древнего письменного памятника с фонетической точки зрения является путь от изучения графики (написаний) к орфографии (к системе правил употребления этих написаний) и от орфографии как системы — к отклонениям от нее при постоянном критическом сопоставлении всего этого графического в широком смысле, т. е. писанно-зрительного, материала с данными живого языка или живых родственных языков позднейшей (обычно современной) эпохи»¹.

В рукописях XI—XIV вв. в основном писанных уставом, иногда полууставом, где один знак от другого отделяется пробелом (при беспробельном написании слов), состав буквенных и иных знаков определяется сравнительно легко. При выявлении состава букв обращается

---

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 79.

внимание на такие условия их употребления, как положение в конце строки, в конце страницы или столбца, в начале абзацев (если они обозначены) и т. д. Выявляются буквы с одинаковым значением. Рассматриваются условия употребления знаков, не являющихся буквами (диакритических и разделительных). Затем, рассмотрев особенности графики писца, исследователь обращает внимание на закономерности употребления той или иной буквы при написании отдельных слов, морфем и словосочетаний. Устанавливаются написания регулярные, подчиняющиеся определенным правилам; при этом учитываются все случаи нарушения последовательных написаний, определяются условия, в которых они обнаруживаются, в зависимости от качества звуков, обозначенных соседними буквами, характера морфемы, положения по отношению к ударению и т. д.

Регулярные написания, а также все случаи отклонений и колебаний в употреблении буквенных знаков, имеющиеся в данной рукописи, сопоставляются с материалом других памятников, созданных как одновременно с исследуемой рукописью, так и в предшествующие и последующие эпохи, а также с современной графико-орфографической системой. Только после того, как исследователь представит себе всю систему письма и значение ее отдельных элементов, он сможет приступить к собственно лингвистическому истолкованию написаний.

Отметим, что сами по себе данные о системе письма источника еще не являются достаточным основанием для заключений о произносившихся древним писцом звуках. Для выяснения звукового значения тех или иных букв и их сочетаний необходимы сопоставления с современной живой речью.

При определении норм орфографии, которым следовал писец, лингвист сталкивается с трудностями, обусловленными спецификой развития древнерусской письменности. Как известно, древние писцы чаще списывали тексты с каких-то ранее созданных оригиналов, чем «сочиняли» или переводили их заново. Эти оригиналы в свою очередь также могли быть копиями. Что касается древнерусских рукописей XI—XIV вв., то их протографы и непосредственные оригиналы зачастую были старославянскими. Поэтому для объективной интерпретации письма древнерусских памятников с точки зрения отра-

жения в них живой речи писавшего необходимо не только разобраться в условностях данной буквенной передачи, но и преодолеть ряд сопутствующих моментов.

Подобные рукописи-копии могли совмещать в своих написаниях факты неоднородные в хронологическом и территориальном отношении. Если бы работа древнерусских писцов состояла только в точном копировании текста оригинала, то следовало бы ожидать, что в данной рукописи воспроизводятся все написания непосредственного оригинала, за исключением описок и невольных ошибок, допущенных писцом. Возможность появления описок и ошибок у писца мотивируется обычно однообразным и утомительным характером его работы. Естественно, что если непосредственный оригинал данной рукописи в свою очередь тоже был копией, то в нее могли быть перенесены все ошибки и описки писцов промежуточных копий. Поэтому, прежде чем говорить об особенностях живой речи писца данной рукописи, из всего написанного этим писцом текста необходимо отделить написания, механически перенесенные из оригинала (или оригиналов, если непосредственный оригинал был копией), от написаний, внесенных писцом.

Вопрос о том, как лингвистически интерпретировать написания исследуемой рукописи, какие именно написания можно считать отражением (прямым или косвенным) особенностей живой речи писца, интересовал многих славистов еще в прошлом столетии. Из русских ученых этому вопросу уделяли внимание А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, М. А. Колосов, П. А. Лавровский и др. В связи с разысканием и исследованием древних славяно-русских рукописей, развитием палеографии, а также в связи с успехами сравнительно-исторического изучения живых славянских языков и их диалектов у исследователей складывались определенные навыки, позволяющие установить по написаниям рукописей приметы древних славянских языков и диалектов (на территории которых создавалась та или иная рукопись) и их хронологические пределы. Интересуясь живой речью прошлого, лингвисты в каждой рукописи-копии первоначально видели лишь написания непосредственного оригинала, который рабски копировался писцом, и написания, соответствующие живой речи этого писца. При этом полагали, что все буквенные и иные знаки, встречающиеся

в данной рукописи, полностью повторяют знаки оригинала. Отклонения могли быть в самих начертаниях того или иного знака, но эти различия (палеографические) не имели непосредственного отношения к языку. Регулярность употребления письменных знаков при воспроизведении слов, морфем и словосочетаний в данной рукописи объяснялась воздействием оригинала, внимательно скопированного писцом. Если в рукописи обнаруживали нарушения однотипного написания слов и морфем, то такие «ошибочные» написания связывали с влиянием живой речи писавшего. В этом случае написания рукописи сопоставлялись с диалектологическим материалом.

Дальнейшее изучение памятников русской письменности и новые исследования говоров русского языка, предпринимаемые в целях воссоздания истории русского языка, привели к более точному решению этих вопросов. В первую очередь следует указать на исследования А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, Н. М. Карпинского, Б. М. Ляпунова, появившиеся несколько позже работы Н. Н. Дурново, С. П. Обнорского и др. Новой, более углубленной постановке вопроса о методах лингвистического исследования рукописных памятников немало способствовали успехи в развитии славянского и общего языкознания конца XIX в., и в частности успехи в разработке проблемы соотношения устной и письменной речи, фонологии, теории письма, орфографии и т. д.

В исследованиях конца XIX—начала XX в., посвященных языку памятников письменности, было установлено, что древнерусские писцы, переписывая текст с оригинала, совсем не стремились воспроизвести его буква в букву. При сравнении написаний рукописей-копий XI—XIV вв. между собой и со старославянскими становится очевидным, что писцы этих рукописей по каким-то причинам одни особенности письма оригиналов неизменно сохраняли, другие регулярно заменяли иными написаниями, а в отношении передачи третьих проявляли известную непоследовательность. Было отмечено, что в древнейших восточнославянских рукописях, несомненно скопированных с южнославянских оригиналов (Остромирово евангелие, Святославов Изборник 1073 г., Новгородские служебные минеи конца XI—начала XII в. и др.), некоторые написания, свидетельствующие о русском происхождении их писцов, употребляются так часто и последо-

вательно, что их невозможно считать ошибками². К их числу относится замена букв носовых гласных чистыми и обратно, ж на месте *dj, написания с глухими перед плавными, окончание -ѣмь, -ѣмь в тв. ед. м. р., окончание ть в 3-м лице глаголов. В то же время другие не менее показательные русизмы (полногласие, ч на месте *tj, ѣ в падежных окончаниях в соответствии с ѡ) встречаются крайне редко. Следовательно, писцы сознательно относились к выбору той или иной буквы, руководствуясь какими-то общими правилами письма. Видимо, древнерусские писцы обладали определенными нормами письма, вследствие чего сознательно сохранялись одни написания оригиналов и вводились другие, новые. В подавляющем большинстве древнерусских рукописей орфографические нормы, которым следовали их писцы, или «правила» передачи текста оригинала выступают вполне отчетливо. Об этих нормах можно судить на основании повторяющихся одинаковых написаний слов, морфем, словосочетаний в отличие от иных однообразных написаний в рукописях другой эпохи (иногда иной территории).

Правда, эти нормы по разным причинам (в зависимости от того, насколько известен был писцу копируемый текст, от орфографии непосредственного оригинала и др.) соблюдались не всегда последовательно и точно. Ошибок против «правильного» письма довольно много. Исходя из современного понимания «нормы», мы не могли бы указать ни одной рукописи, писец или писцы которой были бы «безупречно» грамотны. Однако оценивать их грамотность с современной точки зрения не вполне правомерно: древний писец в большинстве случаев был занят копированием текста, образец которого почти всегда был перед его глазами: современный грамотный человек обыкновенно не имеет перед глазами такого образца и пишет, руководствуясь правилами орфографии. Нормы письма древнерусских писцов не могли не испытывать влияния оригиналов, с которых они копировали текст (хотя и не буква в букву).

² Одним из первых отметил это явление Н. М. Каринский. См. его статью «Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка». — ЖМНП. СПб., 1903, ч. 347, май, стр. 94—110. См. также: Н. Н. Д у р н о в о. Русские рукописи XI—XII вв., как памятники старославянского языка. «Южнославянский филолог», кн. IV, V, VI. Белград, 1924—27; он же. Славянское правописание. «Slavia», R. XII, S. 1—2. Praha, 1933.

Последовательное отражение в русских рукописях XI—XIV вв. некоторых старославянских написаний поддерживалось особым, так называемым церковно-книжным стилем произношения, сформировавшимся на Руси под воздействием южнославянской языковой стихии³.

В подавляющем большинстве случаев до нас не дошли непосредственные оригиналы сохранившихся древних рукописей. Однако в ряде случаев, привлекая данные других памятников, исследователь может указать такие графико-орфографические особенности, которые были в оригинале и затем попали в копию. Для этого необходимо учитывать как хронологический уровень тех или иных фактов, так и их распространение в рукописях, относимых к различным славянским землям. Влияние оригинала с наибольшей вероятностью можно предполагать для написаний, распространенных в памятниках предшествующей поры, отражающих более старые языковые явления.

Неоднократно высказывалось мнение, что целесообразнее исследовать те памятники письменности, которые не являются копиями с инославянских оригиналов. К ним, например, относятся памятники деловой письменности. Однако приходится считаться с тем, что от XI—XIV вв. памятников такого рода сохранилось очень немного. Между тем памятников церковно-канонического содержания, скопированных русскими писцами в XI—XIV вв., сохранилось значительно больше, их количество исчисляется десятками и сотнями⁴. Лингвист, интересующийся ранним периодом истории древнерусского языка, вынужден обращаться к этим рукописям. Обратим внимание и на тот факт, что все известные нам грамоты XII—XIII вв. очень невелики по объему и как правило весьма однообразны по содержанию. Для суждения о фонетико-морфологических особенностях древне-

---

³ Впервые влияние церковного произношения на орфографию древнерусских рукописей было отмечено А. А. Шахматовым. См. об этом: А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб., 1895, Приложения; он же. Исследования в области русской фонетики. — РФВ, т. XXIX—XXXI, 1893—1894.

⁴ По подсчетам Н. К. Никольского (1902 г.), из 708 пергаменных книг XI—XIV вв. 688 являются богослужебными или богословскими. Почти все они являются копиями, восходящими к южнославянским оригиналам.

русского языка исследование Мстиславова евангелия (около 1117 г.) или Юрьевского евангелия (около 1120 г.) дает не менее ценный материал, чем исследование Мстиславовой грамоты (ок. 1130 г.). К тому же в первом случае выводы, основанные на массовом материале, приобретают большую надежность; у исследователя больше возможностей отделить закономерные написания от случайных. Заметим, что графико-орфографические нормы писцов памятников традиционного содержания по сути дела не отличались от норм памятников деловой письменности. Орфография грамоты Варлаама Хутынского конца XII в. (после 1192 г.) очень близка к нормам письма Успенского сборника конца XII—начала XIII в.

Таким образом, изучая памятники письменности с целью выявления фонетико-морфологических особенностей живой речи их писцов, следует рассматривать правописание писца (или писцов) в целом, различая при этом написания регулярные и написания — отклонения от нормы. Сравнение письма рукописей, близких по времени создания, позволяет утверждать, что представленные в них нормы правописания были в известной степени общеупотребительными. Так, графико-орфографические нормы рукописей конца XI—начала XII в. обнаруживают много общих черт, хотя последовательность их проведения в рукописях может быть различна. Например, в рукописях этого периода встречаются слова с восточнославянским порядком букв **ѣ** и **ь** перед плавными в соответствующих сочетаниях, однако их соотношения с написаниями старославянского типа не однородны. Древнерусские написания преобладают в Новгородской служебной минее за июль XI в.⁵, Архангельском евангелии ок. 1092 г.⁶, Чудовской псалтыри XI в.⁷, однако в Евгениевской псалтыри XI в.⁸ преобладают написания с редуцированным после плавного.

⁵ Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке июльской служебной минее конца XI—начала XII в. «Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960, стр. 51—54.

⁶ М. А. Соколова. К истории русского языка в XI веке. «Известия по русскому языку и словесности. АН СССР», т. III, кн. 1, 1930, стр. 110—111.

⁷ С. П. Обнорский. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века. — РФВ, т. XVIII, № 3—4, 1912, стр. 359—360.

⁸ Н. П. Гриčkова. Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI века. — «Изв. ОРЯС АН», т. XXIX, 1924, стр. 304.

Наряду с нормами, общими для писцов ряда близких по времени и месту создания рукописей, можно обнаружить графико-орфографические особенности (причем чаще собственно графические), свойственные только данному писцу. Например, текст Жития Феодосия Печерского (по Успенскому сборнику конца XII в., ГИМ, Син. 1063/4) списан, как известно, двумя писцами. Писцы копировали этот текст с одного и того же оригинала, работая последовательно один за другим (л. 26—46г., 46г. — 67). Их письмо обладает рядом общих графико-орфографических особенностей, в той или иной степени свойственных всем рукописям этого времени. Однако у каждого из писцов есть и свои индивидуальные приметы. К числу первых относятся: более или менее регулярные написания с буквами **ѣ** и **ѥ** на месте этимологических редуцированных, многочисленные случаи употребления буквы **ж** из *dj, преобладающее обозначение звука **у** в любых условиях буквами **оу**, употребление после **ж**, **ш**, **ч**, **ц** как правило букв **ю**, **и**, **ѣ**, **а** и т. д. С другой стороны, первый писец после букв согласных вторичного смягчения употребляет безразлично буквы **и** и **а** (**хотѣща** 32, **отѣлоучи си** 32г, **оу княза** 33в, **всакоую** 34в; **възрадоваша са** 35а, **манастыра** 35а, **имахуотъ** 36а и под.), в корнях с этимологическими сочетаниями редуцированных перед плавными между согласными употребляет написания с буквой одного редуцированного в положении перед плавным или, изредка, после плавного (**кълану** 36б, **чьрньчьскоую** 36в, **оутѣрди** 39а, **оскърнаимы** 39а, **мьръькааго** 39б, **вьрььна** 37г, **отѣрььѣмъ си** 39б и под.). Второй писец в тех же условиях последовательно пишет после согласных букву **а** (**всела са** 48в, **въспраноуѣ** 47г, **въспать** 49в и т. д.), в корнях с аналогичными сочетаниями часто пишет две буквы редуцированных по обеим сторонам плавного (**пьрьнок** 48г, **върььзьшю** 47г, **тълькноуѣкъшю** 47г, **на съмьрьть** 58г, но также **испкъль** 58а, **чьрноризьць** 59а). Отметим, что обе указанные приметы письма характерны для всех текстов, написанных вторым почерком (л. 47—304), точно так же, как все тексты, писанные первым почерком (л. 1—46), содержат свои приметы.

Исследователи древнерусских памятников письменности в своих заключениях обыкновенно полагают, что для суждения об особенностях живой речи писцов наи-

более показательны написания, представляющие собой нарушение орфографической нормы. Однако необходимо иметь в виду, что и написания, строго следующие правилам, позволяют иногда судить о тех чертах живой речи, которые совпадают с написанием, проявлению которых орфография не мешает. Для того чтобы выяснить, какие «правильные» (регулярные) и «неправильные» написания данной рукописи соответствуют живому произношению писавшего, необходимо сопоставить правописание данной рукописи и других памятников. Далеко не всякое отклонение от нормы может квалифицироваться как отражение говора писца. Так, например, известные нам редкие случаи употребления после буквы **к** буквы **ь** в Московском евангелии 1358 г. (ГИМ, Син. 69) — **къ сегѣ, къ книга**, — при многочисленных (правильных и регулярных) написаниях после **к ъ** или буквы следующего согласного, не могут быть признаны отражением мягкости **к** в говоре писца (хотя буква **ь** в данном памятнике употребляется как знак мягкости предшествующего согласного); такое предположение не подкрепляют факты письма других рукописей. Еще пример: у второго писца Успенского сборника написания со старославянским порядком букв редуцированных и плавных в соответствующих корнях представляют собой ошибки против многочисленных написаний с этимологическим порядком этих букв, но эти ошибочные написания также нельзя считать отражением живого языка писца; вероятно, они появились в рукописи под влиянием орфографии оригинала.

Привлекая материал других рукописей, необходимо учитывать хронологию появления интересующих нас написаний, различая написания-новообразования, отсутствующие в рукописях предшествующей поры, и написания, встречающиеся в памятниках более раннего времени. Принимая отдельные написания за отражение живого языка писавшего, необходимо учитывать распространение этих написаний в памятниках, созданных на определенной части древнерусской территории, и распространение соответствующего явления в современных и древних диалектах. При всех перечисленных сопоставлениях очень важны наблюдения над количеством употребления тех или иных написаний. Особенно осторожно следует относиться к единичным написаниям.